

Институты и общности

Земский собор 1616 г. и сбор третьей пятины в Московском государстве: механизмы взаимодействия правительства и податного населения на исходе Смутного времени

Дмитрий Лисейцев

Zemsky Sobor of 1616 and collecting of the third *piatina* in the Moscow state: interaction between government and tax-payers at the end of the Time of Troubles

*Dmitry Liseitsev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences,
and National Research University Higher School of Economics, Russia)*

Смутное время начала XVII столетия стало для Московского государства суровым испытанием на прочность. На протяжении полутора десятка лет страна пребывала в состоянии гражданской войны, одновременно ведя тяжёлые войны с сопредельными державами. Небывалые прежде испытания требовали от страны новых способов преодоления кризиса как политического, так и экономического. В политической сфере ответом на вызов времени стала частая апелляция власти к мнению и авторитету Земских соборов; в фискальной политике – регулярные сборы экстраординарных податей («запросных» и «пятинных» денег). В 1616 г. для сбора очередной пятины правительству царя Михаила Фёдоровича пришлось созвать Земский собор, и этот момент политической и экономической истории Московского государства представляет особый интерес для изучения. Рассмотрение этого сюжета, с одной стороны, приоткрывает завесу неизвестности над вопросом о механизмах выработки соборных решений, а с другой – позволяет оценить состояние государственного бюджета Московского царства в последние годы Смутного времени.

К рубежу 1615–1616 гг. правительство царя Михаила Фёдоровича сумело одержать победу над сторонниками атамана Ивана Заруцкого и Марины Мнишек, восстановив контроль над Нижним Поволжьем. Хотя и с трудом, но было подавлено восстание казаков под руководством атамана Михаила Баловня. Ряд городов, занятых в предшествующие годы польско-литовскими и шведскими войсками, возвратился под власть Москвы. Оповестив зарубежные державы о воцарении нового государя, Москва восстановила дипломатические контакты с империей Габсбургов, Англией, Данией, Голландией, Османской империей, Персией, Крымским ханством, Ногайской ордой, отправив туда собственные посольства и приняв у себя представителей этих государств; в 1615 г. посольство отправилось также во Францию¹.

© 2016 г. Д.В. Лисейцев

¹ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 46–80, 93–152; Рогожин Н.М. У государевых дел быть указано... М., 2002. С. 111–113.

В беседах с иностранными представителями российские дипломаты уверяли, что «воровская смута вся поминалась» и «все его царскому величеству служат с радостью, и везде его царским счастьем в его государстве строится доброе»². Однако к концу 1615 г. состояние Московского государства, вопреки преждевременным заявлениям правительства, оставалось далеко не блестящим. Попытки продолжить наступление на смоленском и новгородском направлениях закончились неудачно. Войско боярина кн. Д.Т. Трубецкого, потерпев поражение в боях со шведами под Бронницами, практически перестало существовать из-за массового дезертирства. Не удалось выбить польско-литовские силы из Смоленска – русские воеводы увязли в длительной и неудачной осаде этой первоклассной крепости. Переговоры с дипломатами Речи Посполитой под Смоленском зашли в тупик, и у стен осаждённой крепости возобновились вооружённые столкновения. Переговоры с представителями шведского монарха Густава II Адольфа, напротив, имели шанс закончиться заключением мира, однако в обмен на обратную уступку Новгорода Великого король требовал уплаты крупной денежной компенсации. Непокойно было и внутри страны. Голландские дипломаты, отправляясь в августе 1615 г. посредниками на русско-шведские переговоры, на некоторое время даже задержали свой выезд, поскольку их достигли слухи о том, что царь Михаил Фёдорович бежал из Москвы к татарам³. С лета 1615 г. в течение примерно полугода в центральных уездах страны продолжался разорительный рейд полковника Александра-Иосифа Лисовского. В Казанском царстве с конца 1615 г. разворачивалось Еналевское восстание.

В тяжёлых военно-политических условиях Московское государство несло большие расходы на содержание войска: служилым людям – детям боярским, стрельцам, казакам, пушкарям, иноземцам – следовало регулярно уплачивать жалование. При этом платёжеспособность населения разорённой страны оставалась чрезвычайно низкой. Ситуация была настолько тяжёлой, что московскому правительству пришлось даже объявить своего рода «налоговую амнистию», отказавшись взыскивать задолженность за годы, предшествовавшие воцарению Михаила Фёдоровича: «по государеву указу и по боярскому приговору за прошлые годы по 121-й год доимочных никаких денег ни с которых городов имати не велено»⁴. Между тем нехватку денег в казне было необходимо восполнить, для чего на Денежном дворе прибегли к «порче монеты», которая перечеканивалась, теряя при этом 18.5–19.5% веса⁵. Московское правительство пыталось также использовать внешние займы. Посольство, отправленное в 1613 г. в Англию, имело предписание добиваться получения от короля

² Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. М., 2006. С. 54.

³ Посольство ван Бредероде, Басса и Иоакими в Россию и их донесение Генеральным Штатам // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 209.

⁴ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (далее – РИБ). Т. XXVIII. М., 1912. Стб. 200.

⁵ Такие деньги именовались «приделочными». Собранные в приказах монеты передавались для перечековки на Денежный двор и возвращались назад, увеличившись в численности в среднем на 19%. В октябре 1614 г., например, в Разрядный приказ прислали 821 руб. 12 коп., «приделанных» из старых 3 580 руб.; в ноябре – 857 руб. 13 коп. сверх старых 3 800 руб. Перечекались также деньги для Нижегородской четверти и Казённого приказа (РИБ. Т. XXVIII. Стб. 239, 255, 282). Согласно данным, приведённым А.С. Мельниковой, с 1613 г. перечекаемые копейки весили на четверть меньше прежнего – их вес сократился с 0.68 г. до 0.51 г. (Мельникова А.С. Очерки по истории русского денежного обращения XVI–XVII веков. М., 2005. С. 199).

Якова I денежной помощи в размере 100 тыс. рублей; к вопросу о денежной помощи со стороны Англии российская дипломатия возвратилась и позднее, в мае 1616 г.⁶

В условиях неопределённой военно-политической ситуации получить займы от иностранных партнёров Московскому государству не удалось. Правительству царя Михаила Фёдоровича пришлось пойти на обложение собственных подданных дополнительными налогами и сборами, получившими название «запросных и пятинных денег» («запросом» именовали дополнительные денежные требования, а слово «пятина» производилось от размера подати – в казну собирали пятую часть от доходов налогоплательщика). К концу 1615 г. пятинные деньги собирали уже дважды: первая пятина, назначенная в 1614 г., принесла казне около 113 тыс. руб.; вторая, сбор которой пришёлся на 1615 г., дала заметно меньший результат, обогатив бюджет примерно на 53 тыс. руб.⁷

Потребность в деньгах к концу 1616 г. оставалась высокой, в связи с чем правительство царя Михаила приняло решение о новом – уже третьем – сборе пятинных денег. Предполагаемый размер денежных сборов должен был превзойти поступления от двух первых пятин вместе взятых (около 173 тыс. руб.), т.е. оказаться для населения более чем в три раза тяжелее второй пятины. По заключению С.Б. Веселовского, «в сознании народа произошёл в результате Смуты перелом. Возрождение идеи государственности сопровождалось понижением отзывчивости населения к бремени налогов и личных повинностей и готовностью нести бóльшие, чем прежде, налоговые жертвы»⁸. Между тем московское правительство к началу 1616 г., судя по всему, было совсем не уверено в том, что «порог чувствительности» населения к росту податей ещё не достигнут. Упомянутое ранее Еналеевское восстание в Казанском царстве, помимо прочих причин, спровоцировали непосильные для населения сборы денег второй пятины⁹. Готовясь объявить наиболее тяжёлый за последнее время сбор экстраординарного налога, окружение царя Михаила опасалось социального возмущения, подобного казанскому восстанию, и потому решило подкрепить собственное решение о введении третьей пятины санкцией Земского собора.

Последнее обстоятельство как нельзя более прямо указывает на бедственное состояние государственного бюджета и неуверенность правительства в возможности пополнить его без апелляции к авторитету Земского собора. В отечественной историографии после исследований С.Ф. Платонова и Л.В. Черепнина установилось представление о том, что Земские соборы в первые годы царствования Михаила Фёдоровича играли огромную роль в политической жизни страны; согласно утвердившемуся в литературе мнению, они заседали

⁶ Посольская книга по связям России с Англией... С. 226.

⁷ *Веселовский С.Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Фёдоровича. М., 1908. С. 26–57, 76–78; *Лихачёв Н.П.* Новые данные о Земском соборе 1616 г. // *Русский исторический журнал*. Кн. 8. Пг., 1922. С. 78.

⁸ *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 5.

⁹ Во время подготовки к открытию Земского собора Еналеевское восстание уже подавили, но в Москве об этом ещё не знали. Распоряжения об отправлении служилых людей в поход «по казанским вестям» продолжали отдавать 10–12 февраля 1616 г.; казанские гонцы с вестью о разгроме повстанцев и пленении их предводителя Еналея Емметева прибыли в столицу 27 февраля или чуть ранее (РГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 6, ч. 2, л. 98; д. 8, л. 219; ф. 396, оп. 2, д. 278, л. 143 об.).

без перерыва по три года кряду¹⁰. Однако анализ источников оснований для такого вывода не даёт. Представления о непрерывной работе Земского собора с 1613 до конца 1615 г. базируются лишь на нескольких случаях упоминаний о принятии правительством решений по совету «с властями и з бояры, и всяких чинов с людьми». Бесспорными подтверждениями факта постоянной работы Земского собора в 1613–1615 гг. мы не располагаем¹¹. Однако в начале 1616 г. собор, безусловно, состоялся, о чём свидетельствуют как сохранившиеся грамоты с распоряжением прислать в столицу выборных людей для участия в нём, так и разосланные позднее грамоты с изложением соборного постановления. В нашем распоряжении имеются, помимо прочего, подготовленные в связи с работой собора документы, отражающие состояние российского государственного бюджета в 1616 г.

Документы, о которых идёт речь, давно введены в научный оборот. Первый из них – опубликованная в 1922 г. Н.П. Лихачёвым «бюджетная роспись», подготовленная для прочтения участникам Земского собора 1616 г. В её тексте с подкупающей точностью расписаны предполагаемые сборы и расходы приказов Большого прихода, Казанского дворца, а также пяти четвертей – Нижегородской, Устюжской, Костромской, Галицкой и Владимирской. Кроме того, в «росписи» даны сведения о том, какие из запланированных сумм уже поступили в столичные приказы или израсходованы на местах по состоянию на 22 февраля 1616 г. Приведены также сведения о необходимых годовых расходах приказов, уплачивавших жалование служилым людям, – Разрядного, Стрелецкого, Панского и Пушкарского. Характеризуя обнаруженный источник и отметив некоторую его неполноту (упомянуты не все приказы), Лихачёв констатировал: «Перед нами под наименованием “росписи”, действительно, почти полная и систематическая бюджетная роспись Московского государства, составленная в исполнении её по 22 число февраля месяца 1616 года»¹².

Второй источник, рассмотренный нами, стал известен исследователям позже – его опубликовала в 1986 г. Н.П. Воскобойникова. Исследовательница назвала изданную ею рукопись «росписью сбора пятинных денег». Этот документ представляет собой составленный в марте 1616 г. перечень из 52 городов и уездов, обязанных в соответствии с постановлением Земского собора прислать в Москву пятинные деньги. В «росписи» указаны суммы, которые предстояло собрать с каждого города, а также срок их доставки в столицу¹³.

Вернёмся, однако, к моменту организации Земского собора. Грамоты о присылке выборных людей стали отправлять из Москвы в конце 1615 – начале 1616 г., причём в некоторые города их отправляли как минимум дважды. Сохранились две грамоты в Тотьму. Первая из них (к сожалению, не датированная) содержала в себе предписание «для нашего великого и земского дела на

¹⁰ Платонов С.Ф. Московские Земские соборы XVI и XVII веков // Платонов С.Ф. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М., 2010. С. 101; *он же*. Заметки по истории московских Земских соборов // Там же. Т. 3. М., 2012. С. 17; Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 216; Леонтьев А.К. Государственный строй // Очерки русской культуры XVII века. Т. 1. М., 1979. С. 301–302.

¹¹ Liseytshev D.V. Zemsky Sobors of the late 16th – early 17th century in Russia: Historiographical stereotypes in the reflection of historical sources // *Studia historica. Historia moderna*. Vol. 37. 2015. P. 85–86.

¹² Лихачёв Н.П. Указ. соч. С. 83, 84.

¹³ Воскобойникова Н.П. К истории финансовой политики Русского государства в начале XVII века // *История СССР*. 1986. № 3. С. 156–161.

совет быти тотмичам посацким людем и волосным крестьяном к нам к Москве лутчим и середним, опричь молотчих, двум человеком». По прибытии в столицу выборным людям указали явиться в Посольский приказ к думному дьяку Петру Третьякову. К 12 января 1616 г. от Тотьмы в Москву никто не прибыл, что стало причиной отправки в тот день новой грамоты с требованием прислать выборных людей в Москву, «не мешкая ни часу» (правда, дату, к которой следовало явиться в Москву, в грамоте не указали). В Соль Вычегодскую грамоту с аналогичным предписанием отправили несколько ранее, 6 или 7 января (жители города и уезда должны были прислать на собор троих представителей). 6 января датирована такая же грамота в Пермь; помета на ней свидетельствует, что к месту назначения она прибыла только 17 февраля, т.е. через месяц с лишним. Между тем мы знаем, что выборные люди от Перми участие в работе Земского собора всё же приняли – 21 марта грамоту с изложением соборного решения отправили в Пермь с выборным человеком Иваном Могильниковым¹⁴. Вряд ли, однако, он мог попасть в Москву ранее середины марта 1616 г.; вероятно, часть «выборных людей» приняли участие лишь в заключительной части работы Земского собора.

В работе собора определённо приняли участие выборные люди из Алатыря, Арзамаса, Архангельска, Балахны, Белоозера, Важской волости, Великого Устюга, Владимира, Выми, Вятки, Кашина, Каргополя, Коломны, Костромы, Нижнего Новгорода, Переславля Залесского, Перми, Пустоозера, Романова, Ростова, Серпухова, Соли Вычегодской, Суздаля, Тотьмы, Тулы, Устюжны Железнопольской, Юрьевца Повольского и Ярославля – от 28 уездов и волостей. Представители ряда городов, на которые возложили сбор дополнительной подати, на соборе отсутствовали (по крайней мере – к концу его работы). Иначе сложно объяснить, почему, например, в Тверь грамоту повёз не выборный представитель этого города, а царёво-кокшайский пушкар, в Калугу и Алексин – житель Алатыря, в Вологду – двинянин, в Шацк и Курмыш – казанцы. В Касимов и Темников грамоты послали с касимовским пушкарём, в Галич, Зарайск, Кинешму и Переславль Рязанский – с недельщиками, в Каширу – со стрелецким сотником¹⁵. Не присылали представителей на собор и города Казанского царства: грамоты в Казань и Чебоксары отправили с казанцем Архипом Якшиным, оказавшимся в Москве по совершенно иному поводу – около 27 февраля 1616 г. он прибыл от казанских воевод с вестью о подавлении «Еналеевского восстания» в Поволжье. Другой казанец, приехавший вместе с Якшиным, Постник Неелов, повёз соборное постановление в Шацк¹⁶.

Несмотря на отсутствие в Москве представителей многих городов Московского царства, Земский собор начал работу, по всей вероятности, в конце февраля – начале марта 1616 г. Именно тогда озвучили подготовленную специально для участников собора смету государственных доходов и расходов, отражавшую ситуацию на 22 февраля 1616 г. По справедливому замечанию Н.П. Лихачёва, «дата эта приблизительно, но с значительной точностью указывает на

¹⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. III. СПб., 1836. № 77. С. 111; *Веселовский С.Б.* Указ. соч. № 53–54. С. 164–166; Указные грамоты городовым воеводам и приказным людям 1613–1626 гг. М., 2012. С. 171, 180, 322.

¹⁵ *Воскобойникова Н.П.* Указ. соч. С. 160–161.

¹⁶ РГАДА, ф. 396, оп. 2, д. 278, л. 143 об.

Приход денег в Разрядный приказ в 1614/15 г.

Источник поступления денег	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль
Приказы:						
Посольский	1 000 руб.	2 000 руб.	1 200 руб.			
Нижегородская четь	58 руб.	3 699 руб. 99 коп. 1.5 д.	2 200 руб.	7 400 руб.		2 000 руб.
Устюжская четь	1 000 руб.					
Галицкая четь	249 руб. 10 коп. 0.5 д.	753 руб. 75 коп. 1 д.				500 руб.
Владимирская четь		100 руб.		20 руб.		
Костромская четь	23 руб.	320 руб.		150 руб.		
Запросных денег	534 руб. 59 коп.		40 руб.		100 руб.	
Казанский дворец	8 руб.					
Денежного дела		821 руб. 12 коп.	2 297 руб. 13 коп.		2 000 руб.	
Большой дворец						
Большой приход						
Неокладные доходы		16 руб. 68 коп. 1 д.	8 677 руб. 90 коп.	73 руб. 05 коп. 0.5 д.	1 216 руб. 33 коп.	5 руб. 30 коп.
Всего за месяц	2 872 руб. 69 коп. 0.5 д.	7 711 руб. 55 коп. 1.5 д.	14 415 руб. 3 коп.	7 643 руб. 5 коп. 0.5 д.	3 316 руб. 33 коп.	2 505 руб. 30 коп.
Всего	68 891 руб. 12 коп. 0.5 д.					

Составлено по: РИБ. Т. XXVIII. Стб. 275–294.

время того заседания Земского собора, на котором была прочитана дьяком правительственная декларация»¹⁷.

В основе «бюджетной росписи» лежали финансовые результаты предыдущего 1614/15 г.: предполагаемые сборы текущего 1615/16 г. определили «против» предыдущего при условии аккуратной уплаты населением податей («только сполна все возьмутся»). Калькуляция гипотетических доходов царской казны

¹⁷ Лихачёв Н.П. Указ. соч. С. 83.

Таблица 1

Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Всего
8 052 руб.	1 000 руб.			700 руб.		13 952 руб.
1 710 руб.	2 223 руб. 21 коп.	1 121 руб. 69 коп.		150 руб.	20 руб.	20 582 руб. 89 коп. 1.5 д.
	2 440 руб. 46 коп. 0.5 д.	1 000 руб.	1 300 руб.			5 740 руб. 46 коп. 0.5 д.
						1 502 руб. 85 коп. 1.5 д.
	50 руб.		112 руб.			282 руб.
300 руб.	100 руб.	200 руб.				1 093 руб.
44 руб. 60 коп.				2 079 руб.	5 628 руб.	8 426 руб. 19 коп.
						8 руб.
200 руб.		300 руб.	15 руб.			5 633 руб. 25 коп.
200 руб. 75 коп.		272 руб. 36 коп. 1 д.				473 руб. 11 коп. 1 д.
44 руб.						44 руб.
49 руб. 45 коп.	30 руб.			445 руб. 82 коп. 0.5 д.	638 руб. 81 коп.	11 153 руб. 35 коп.
10 600 руб. 80 коп.	5 843 руб. 67 коп. 0.5 д.	2 894 руб. 05 коп. 1 д.	1 427 руб.	3 374 руб. 82 коп. 0.5 д.	6 286 руб. 81 коп.	68 891 руб. 12 коп. 0.5 д.

соотносилась с предполагаемыми расходами приказов. В итоге перед участниками собора предстала впечатляющая картина крупного бюджетного дефицита, ожидаемого по итогам 1615/16 г. Единственным приказным учреждением, чьи сборы могли превысить запланированные расходы, оказалась Новгородская четверть. Предполагалось, что она соберёт, как и в предыдущем году, около 71 тыс. руб., тогда как её расход планировали в размере 41.5 тыс. руб. Остальные ведомства, перечисленные в «бюджетной росписи», заканчивали год в крупном минусе. В частности, предполагаемая недостача денег в Галицкой

Приход денег в Разрядный приказ в 1616/17 г.

Источник поступления денег	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль
Приказы:						
Нижегородская четь				1 141 руб.		700 руб.
Устюжская четь						
Запросных денег	415 руб.	1 407 руб.	409 руб.	880 руб. 72 коп.	284 руб. 50 коп.	2 818 руб.
Казанский дворец						
Денежного дела						
Пушкарский						
Разбойный						
Неокладные доходы	37 руб. 81 коп.	23 руб. 37 коп. 0.5 д.	78 руб. 16 коп.	514 руб. 71 коп.	61 руб.	68 руб. 11 коп. 1 д.
Всего за месяц	452 руб. 81 коп.	1 430 руб. 37 коп. 0.5 д.	487 руб. 16 коп.	2 536 руб. 43 коп.	345 руб. 50 коп.	3 586 руб. 11 коп. 1 д.
В с е г о	23 496 руб. 96 коп. 0.5 д.					

Составлено по: РИБ. Т. XXVIII. Стб. 511–523.

Таблица 3

Сборы печатных пошлин в Печатном приказе в феврале–августе 1613 г.

Февраль*	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август**	Всего
12 руб. 08 коп.	234 руб. 22 коп. 1 д.	161 руб. 98 коп. 1.5 д.	229 руб. 69 коп. 0.5 д.	538 руб. 67 коп. 0.5 д.	419 руб. 77 коп. 1 д.	156 руб. 20 коп.	1 752 руб. 63 коп. 0.5 д.

Составлено по: Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М., 1994. С. 11, 12, 64, 95, 137, 209, 278, 295.

* Данные сохранились за 19–28 февраля.

** Данные сохранились за 1–12 августа.

чети (около 30 тыс. руб.) практически полностью аннулировала прогнозируемый остаток денег Новгородской четверти. Ещё более крупная нехватка денег – до 35 тыс. руб. – ожидалась в Устюжской четверти, в Костромской чети – 17 тыс. руб., во Владимирской – порядка 12 тыс. руб. В дефиците (11 тыс. руб.) оставался и бюджет приказа Казанского дворца (при том, что его ожидаемый годовой сбор являлся наибольшим – 109 тыс. руб.). В размере 6.5 тыс. руб. предполагалась нехватка денег в Большом приходе.

Таблица 2

Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Всего
2 856 руб. 5 коп. 1 д.		32 руб. 90 коп.	2 888 руб.	300 руб.		7 917 руб. 95 коп. 1 д.
			200 руб.			200 руб.
300 руб.					800 руб.	7 314 руб. 22 коп.
2 000 руб.						2 000 руб.
2 200 руб.			1 220 руб.			3 420 руб.
			1 000 руб.			1 000 руб.
		6 руб.				6 руб.
518 руб. 30 коп.	183 руб. 92 коп.	2 руб. 1 коп.	130 руб. 31 коп.	21 руб. 8 коп.		1 638 руб. 78 коп. 1,5 д.
7 874 руб. 35 коп. 1 д.	183 руб. 92 коп.	40 руб. 91 коп.	5 438 руб. 31 коп.	321 руб. 8 коп.	800 руб.	23 496 руб. 96 коп. 0,5 д.

Общий дефицит средств четвертных приказов, Казанского дворца и Большого прихода в 1615/16 г., согласно «бюджетной росписи», как предполагалось, мог составить примерно 91 тыс. руб. Сверх того, на нужды Стрелецкого, Панского, Пушкарского и Разрядного приказов требовалось около 187 тыс. руб., а на прочие расходы – почти 65 тыс. руб. Общая потребность государства в деньгах в 1615/16 г. исчислялась суммой около 594 тыс. руб., тогда как доход достиг бы лишь 267 тыс. руб. Общий бюджетный дефицит планировался в размере 327 тыс. руб. Именно такую ситуацию представили прибывшим в Москву для участия в Земском соборе выборным людям.

Есть, однако, основания полагать, что, разворачивая перед участниками Земского собора панораму финансового состояния Московского государства, власти несколько сгущали краски. Прежде всего, в «бюджетной росписи» представлены не все приказы, собиравшие в казну денежные средства. Некоторыми суммами в масштабе общей картины можно было и пренебречь. Например, денежные поступления в казну Посольского приказа (если не считать поступавших туда «пятинных» денег) в 1614/15 г. составили около 2,5 тыс. руб. (преимущественно средства, не израсходованные по назначению и потому возвращённые в приказную казну)¹⁸. Приблизительно та же сумма (если не счи-

¹⁸ РГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 7 (1615 г.), л. 1, 2, 6.

тать денег, остававшихся от раздачи жалования служилым людям вследствие их дезертирства) собиралась в кассе Разрядного приказа (см. графу «Неокладные расходы» в табл. 1 и 2). По-видимому, годовой приход Печатного приказа в начале царствования Михаила Фёдоровича мог обогатить бюджет на 3.5–4 тыс. руб. (см. табл. 3). Не могли существенно изменить положение небольшие сборы Земского и Судных приказов. Общая сумма сборов перечисленных ведомств могла составить ориентировочно 10 тыс. руб., что картины кардинальным образом не меняло. Но отсутствие в «бюджетной росписи» сведений о суммах, собираемых приказом Большого дворца, объяснить трудно. Это учреждение, по сведениям источников конца XVI – середины XVII в., было одним из самых богатых среди московских приказов и распоряжалось суммами, заметно превосходящими 100 тыс. руб.¹⁹ Таким образом, обращаясь к «выборным людям» с предложением санкционировать новые денежные сборы, правительство существенно преуменьшало (и, скорее всего, сознательно) доходную часть государственного бюджета.

Ещё одно наблюдение, позволяющее поставить под сомнение объективность картины, представленной в «бюджетной росписи» 1616 г., касается расходной части. Описывая финансовые потребности четвертных приказов, её составители указывали, что огромные денежные средства из четвертей будут израсходованы на жалование служилым людям-четвертчикам. Устюжской четверти на уплату жалования кормленщикам требовалось 39 633 руб., Костромской – 31 118 руб., Галицкой – 34 443 руб., Владимирской – 13 443 руб.; в общей же сложности, если верить росписи, – 118 784 руб.²⁰ Однако анализ сохранившихся кормлёных книг четвертных приказов позволяет усомниться в правдивости представленной информации. Если суммировать все оклады, назначенные четвертчикам Устюжской четверти (согласно кормлёной книге 1620/21 г.), мы получим 31 898 руб. (что заметно меньше, чем указано в бюджетной росписи 1616 г.)²¹. В Галицкой чети (мы располагаем, правда, данными за более позднее время) четвертчики имели оклады, в совокупности составлявшие 42 772 руб. (что несколько выше суммы, указанной в росписи 1616 г.)²².

Но проблема вовсе не в несоответствии данных кормлёных книг «бюджетной росписи» 1616 г. Дело в том, что жалование из четвертей получали далеко не все четвертчики, имевшие на это формальное право. Владимирская четверть, например, за 1613/14 г. израсходовала на уплату жалования (причём не только четвертчикам) около 2 700 руб. В Устюжской четверти в 1618/19 г. на жалование четвертчикам потратили всего 136 руб. 50 коп. При этом значительная часть выплат покрывала задолженности по жалованию за предыдущие годы. Так, И.В. Благово (оклад которого составлял 85 руб.) 1 февраля 1619 г. уплатили лишь 20 руб. за предыдущий год; Н. Киреевскому вторую половину его денежного оклада за 1616/17 г. (28 руб. 50 коп.) заплатили лишь в 1619 г.²³ Такая практика сохранялась и позднее. В 1641/42 г. Устюжская четверть потратила на жалование четвертчикам менее 3.5 тыс. руб., в 1642/43 г. – около 3 700 руб.

¹⁹ Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 45; Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 111. См. также: Милуков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 551–552.

²⁰ Лихачёв Н.П. Указ. соч. С. 74–76.

²¹ РГАДА, ф. 137, оп. 1, кн. 4, л. 1–276.

²² Там же, оп. 1, Галич, кн. 9, л. 1–620 об.

²³ РИБ. Т. XXVIII. Стб. 88–110, 744–747.

(при том, что расходы Устюжской четверти в те годы составили около 42 и 52 тыс. руб. соответственно)²⁴. Если предположить, что каждый из четвертных приказов расходовал на уплату жалования четвертикам по 3–3.5 тыс. руб., то в общей сложности на это должно было уйти 12–14 тыс. руб., но никак не 119 тыс., как убеждали участников Земского собора. Отсюда следует, что реальная потребность приказов в деньгах была как минимум на 100 тыс. руб. меньше, чем констатировалось.

Кроме того, в речи, подготовленной для прочтения участникам собора после подведения финансовых итогов деятельности четвертей, Большого прихода и Казанского дворца, представили также годовые денежные потребности Разрядного (91 378 руб. 31 коп. 1 д.), Стрелецкого (71 230 руб. 43 коп. 0,5 д.), Панского (14 279 руб.) и Пушкарского (10 779 руб. 40 коп. 1 д.) приказов. Их общие расходы могли составить около 187 тыс. руб.

Каким образом вычислялась расходная часть бюджета, представленная денежными потребностями «приказов-реципиентов»? Для Разрядного приказа на 1615/16 г., надо полагать, они вычислялись по финансовым итогам предыдущего 1614/15 г. – 68 891 руб. 12 коп. 0,5 д. К этой сумме приплюсовали недоимку «хлебных денег» за тот год, составившую 22 282 руб. 09 коп., а также задолженность других приказов перед Разрядом, составлявшую относительно небольшую сумму (161 руб. 90 коп.)²⁵. В общей сложности всё это составляло 91 335 руб. 11 коп. 0,5 д., что практически совпадает с заявленной в «бюджетной росписи» потребностью Разрядного приказа в деньгах – 91 378 руб. 31 коп. 1 д.

Представляется возможным выяснить также, как составители «бюджетной росписи» рассчитали сумму, необходимую для расходов Стрелецкого, Панского и Пушкарского приказов. Согласно «бюджетной росписи» 1616 г., их совокупный годовой бюджет должен был составить около 96 тыс. руб.²⁶ Сумма эта по размеру очень близка к совокупному окладу «хлебных денег» – подати, собиравшейся на уплату жалования стрельцам, иноземцам и казакам с территорий, подведомственных приказу Большого дворца, Новгородской, Устюжской и Галицкой четвертей. Её размер в 1613/14 г. составлял около 92,5 тыс. руб. Однако в 1614/15 г. правительству пришлось признать абсолютную неподъёмность такого сбора для податного населения, вследствие чего он был сокращён примерно на 66 тыс. рублей (за счёт освобождения от подати населения уездов, подведомственных Галицкой чети, а также переведения на подведомственных Новгородской четверти землях «малых сошек» в «большие»)²⁷. Любопытно, что общая сумма сокращения оклада «хлебных денег» примерно соответствует заявленной правительством на 1615/16 г. сумме дополнительных расходов (почти 65 тыс. руб.). Следовательно, эта сумма, необходимая для уплаты жалования служилым людям, учтена составителями «бюджетной росписи» дважды и должна быть исключена из общей суммы денежных потребностей государственного бюджета.

Необходимо проанализировать ещё один вопрос: из каких средств обеспечивались деньгами «приказы-реципиенты»? В нашем распоряжении есть только прихода-расходные книги Разрядного приказа, но и они дают основания для того, чтобы поставить под сомнение искренность составителей «бюд-

²⁴ РГАДА, ф. 141, оп. 2, д. 37 (1641 г.), л. 1–563.

²⁵ РИБ. Т. XXVIII. Стб. 275–281.

²⁶ Лихачёв Н.П. Указ. соч. С. 76–78.

²⁷ РИБ. Т. XXVIII. Стб. 278–279.

жетной росписи». Из 69 тыс. руб., поступивших в распоряжение разрядных дьяков в 1614/15 г., около 29 тыс. перечислили из четвертных приказов; из 23 тыс. руб., прошедших через Разрядный приказ в 1616/17 г., свыше 10 тыс. руб. поступило из четвертей и Казанского дворца. Кстати, и сами составители бюджетной росписи отметили, что часть денег, собранных за истекшие полгода в приказах, передали на различные нужды в Разрядный и Стрелецкий приказы²⁸.

Денежные потребности Стрелецкого, Пушкарского и Панского приказов тоже удовлетворялись за счёт четвертей и частично Разрядного приказа (который, в свою очередь, получал эти деньги из четвертей). Например, Разряд в ноябре 1614 г. передал в Стрелецкий приказ более 4,5 тыс. руб., а в июле 1615 г. — ещё 270 руб.; всего за год в Стрелецкий приказ из Разрядного было перечислено свыше 4 800 руб. В течение того же года из Нижегородской чети в Стрелецкий приказ передали более 3 тыс. руб.; кроме того, 700 руб. из денег Нижегородской чети выдали стрельцам в качестве жалования непосредственно в Белоозере. Галицкая четь более 840 руб. выплатила стрельцам в Галиче. Крупную сумму — 1 280 руб. — Стрелецкий приказ получил в 1614/15 г. из Устюжской четверти. Из приказа Большого дворца в Стрелецкий передана наиболее значительная сумма денег — 9 тыс. руб.²⁹ Получается, что более чем на четверть потребности Стрелецкого приказа в деньгах удовлетворялись за счёт Большого дворца, четвертей и Разрядного приказа. Пушкарский приказ, как и Стрелецкий, в значительной степени финансировался из тех же источников. Из Нижегородской четверти на нужды Пушкарского приказа в 1614/15 г. поступило свыше 3 600 руб., а в Панский приказ — свыше 2 900 руб.³⁰, что составило более четверти годовой потребности этих приказов в деньгах.

Подведём предварительные итоги. Озвученная участникам Земского собора 1616 г. сумма прогнозируемых московским правительством на 1615/16 г. доходов была существенно занижена — не менее чем на 100 тыс. рублей (за счёт исключения из неё денежных сборов ряда приказов, главным образом Большого дворца). Ещё на 100 тыс. руб. реальный дефицит бюджета сокращается, если взять в расчёт то, что четвертные приказы не уплачивали жалования всем своим четвертчикам. Учёт только этих двух обстоятельств позволяет сократить размер ожидаемого бюджетного дефицита приблизительно до 120 тыс. руб. Из этой суммы следует вычесть также 65 тыс. руб., обозначенные в «бюджетной росписи» как деньги на дополнительные расходы (учтённые составителями росписи дважды).

Необходимо также принять во внимание, что часть расходов Разрядного, Стрелецкого, Панского и Пушкарского приказов (равно как и других ведомств) оплачивались из сборов все тех же четвертей, Казанского дворца и Большого прихода. Даже имеющиеся в нашем распоряжении далеко не полные данные показывают, что потребности Разрядного приказа за счёт денежных поступлений из этих приказов удовлетворялись более чем на 40% (см. табл. 1 и 2). Равным образом нужды Стрелецкого, Панского и Пушкарского приказов покрывались сборами «хлебных денег» более чем на треть (в 1614/15 г. их собрали более чем 33 тыс. руб.: 26,3 тыс. руб. взыскано за предыдущий год и ещё

²⁸ Лихачёв Н.П. Указ. соч. С. 74–76.

²⁹ РИБ. Т. XXVIII. Стб. 254, 258, 259, 277, 280, 304, 306, 357.

³⁰ Там же. Стб. 239, 253–255, 261, 262, 265, 272, 278.

7.4 тыс. руб. – за текущий год)³¹. Общая сумма недостающих денег, необходимых Разрядному, Стрелецкому, Панскому и Пушкарскому приказам за вычетом средств, переданных из четвертей, Большого прихода и Казанского дворца, составляла примерно 115 тыс. руб.

Итак, какова же была реальная ситуация в государственном бюджете в 1615/16 г. с учётом сделанных наблюдений? Правительство рассчитывало, по опыту предыдущего года, собрать в казну через основные «приказы-доноры» (четверти, Большой приход и Казанский дворец) примерно 257 тыс. руб. Вместе с неучтёнными сборами Большого дворца и прочих приказов эта сумма могла увеличиться до 360 тыс. руб. Расходная часть бюджета тоже выглядела не столь печально, как преподнесли участникам Земского собора. Зная, что жалование из четвертных приказов уплачивалось лишь немногим четвертикам, мы можем предположить, что расходы «приказов-доноров» должны были составить около 240 тыс. руб., что давало положительный остаток в 120 тыс. рублей. На нужды основных «приказов-реципиентов», согласно «бюджетной росписи», требовалось порядка 187 тыс. руб., которые частично покрывались деньгами, собранными в «приказах-донорах». Получается, что ожидаемый дефицит государственного бюджета составлял 60–70 тыс. руб., т.е. в 5–6 раз меньше, чем было заявлено участникам Земского собора (340 тыс. руб.). Безусловно, картина далёкая от идеальной, но не столь катастрофичная.

В таком случае мы должны задаться вопросом: для чего понадобилось просить санкции Земского собора на сбор третьей пятины и почему предполагаемый размер её сборов приблизительно в 2.5–3 раза превосходил размер ожидаемого бюджетного дефицита? Чтобы ответить на него, нужно учесть несколько обстоятельств. Во-первых, баланс бюджета мог выйти на дефицит в размере 60 тыс. руб. только при условии полной и аккуратной выплаты населением всех податей на уровне предыдущего года. В условиях продолжающейся войны и растущего обнищания подданных Московского государства (1615 г. ознаменовался масштабными грабежами восставшими казаками атамана Баловня северных уездов страны, ногайский набег разорил уезды южные, «война Лисовского» – центральные; в Казанском царстве шло «Еналеевское восстание») надеяться на сбор податей в полном объёме было трудно.

Во-вторых, деньги, собираемые приказом Большого дворца, воспринимались как личные государевы средства, которые крайне неохотно выделялись на общегосударственные нужды (за их счёт далеко не всегда восполнялись даже финансовые потребности дворцовых приказов – Конюшенного, Казённого двора, Оружейной палаты).

В-третьих, как отмечено в «бюджетной росписи», изрядная часть собираемых четвертями денег расходовались на местах. Например, из 71 тыс. руб., которые за год должна была собрать Новгородская четверть, за полгода непосредственно в Москву поступило немногим более 1 тыс. руб., тогда как на местах потратили больше 40 тыс. руб. Всего же четвертные приказы на местах израсходовали к концу февраля 1616 г. около 63 тыс. руб. Ситуация, когда заметная часть податей расходовалась, не доходя до Москвы, в известной степени сковывала свободу действий правительства.

В-четвёртых, следовало учесть и дополнительные, экстраординарные расходы. В «бюджетной росписи» они описаны предельно обобщённо, без указа-

³¹ Там же. Стб. 275–278.

ния конкретных сумм, например, «Опричь того толко по литовским и по немецким вестям большая рать надобе». В числе дополнительных расходов названы жалование служилым людям за ранения и отличия в боях, а также деньги на организацию посольств в Ногайскую орду и Крымское ханство. Размер последней расходной статьи можно в общих чертах определить. По подсчётам А.А. Новосельского, за 1614–1618 гг. из Москвы в Бахчисарай в качестве «поминков» отправили около 40 тыс. руб. На организацию посольства в Крым в 1614 г. потратили без малого 8 тыс. руб., в 1618 г. туда направили 9 тыс. руб. Таким образом, на одни лишь «поминки» хану и его окружению могло потребоваться порядка 8 тыс. руб. В случае же заключения военного союза с Крымом против Речи Посполитой (чего и добивалась в тот момент российская дипломатия), нужно было заплатить хану дополнительно 20–40 тыс. руб.³²

В-пятых, ставший образцом для «бюджетной росписи» 1616 г. бюджет 1614/15 г. в значительной степени сложился за счёт сбора первой и второй пятин, которые принесли казне около 160 тыс. руб. Следовательно, без сбора дополнительных податей правительство не имело шансов привести доходы в соответствие с денежными потребностями страны.

И, наконец, следует помнить о том, что правительству в рассматриваемое время приходилось действовать в режиме строгой экономии, оперируя средствами, примерно в два с половиной раза меньшими, чем ранее, до начала Смуты, на рубеже XVI–XVII вв.³³

Перечисленные обстоятельства, как представляется, делали для Московского государства сбор дополнительных податей – («третьей пятины») – жизненно необходимым. Между тем ситуация в стране была настолько неспокойной, что правительство не решилось объявить об её сборе, не заручившись согласием Земского собора. Для того чтобы подтолкнуть участников Земского собора к нужному правительству решению, составители «бюджетной росписи» сгустили краски, показав выборным людям гораздо больший, нежели ожидалось, дефицит государственного бюджета.

Надо полагать, своей цели составители «бюджетной росписи» отчасти добились. Заседания собора проходили на протяжении нескольких дней («наши богомольцы... и весь Освященный собор, и бояре, и окольничьи, и столники, и стряпчие, и дворяне, и московские и всех городов гости, и выборные торговые люди меж себя о том советовали и думали многие дни»)³⁴, но вряд ли дольше трёх недель. В середине марта 1616 г. уже началась рассылка по городам грамот с соборным постановлением, причём значительную часть из них отправляли с выборными людьми (значит, участвовать в работе собора они более не могли).

Итогом заседаний Земского собора стало принятие решения о сборе дополнительных денежных средств с населения Московского государства. С городов, подведомственных в финансовом отношении Новгородской четверти, предстояло собрать 72 100 руб.: с земель гостей Строгановых – 16 тыс. руб., с Нижнего Новгорода – 12 тыс. руб., с Архангельска – 7 тыс. руб., с Кевролы и

³² Новосельский А.А. Борьба Московского государства с крымскими татарами в первой половине XVII века. М., 1948. С. 437; РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 1 (1613 г.), л. 67–76; д. 2 (1614 г.), л. 154–164; ф. 141, оп. 1, д. 7 (1615 г.), л. 4; ф. 210, оп. 9, д. 71, л. 34.

³³ Liseitsev D.V. Reconstructing the Late 16th–17th-Centuries Muscovite State Budget // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 17(1). 2016. P. 5–26.

³⁴ Указные грамоты... С. 169.

Мезени – 6 500 руб., с Вологды и Перми – по 5 тыс. руб., с Вятки – 4 800 руб., с Балахны – 4 тыс. руб., с Арзамаса, Каргополя и Яренска – по 3 тыс. руб., с Соли Камской – 2 тыс. руб., с Романова – 500 руб., с Пустозерска – 300 руб. На втором месте по объёму дополнительного денежного сбора оказалась Костромская четверть, в городах которой запланировали собрать 31 530 руб., из них 20 тыс. руб. предполагалось взыскать с населения Ярославля. Кострома должна была отдать в государеву казну 5 500 руб., Муром – 4 тыс. руб., Переславль-Залесский и Серпухов – по 1 тыс. руб. Впрочем, правительство не пренебрегало и относительно небольшими суммами – с населения Алексина, например, назначили взять 30 руб. Устюжской четверти предстояло пополнить казну на 18 600 руб., из которых 6 тыс. руб. должна была дать Важская волость, 5 тыс. руб. – Соль Вычегодская, 4 500 руб. – Великий Устюг, 1 тыс. руб. – Тотьма, по 700 руб. – Устюжна Железнопольская, Чаронда и Устьянские волости.

На долю городов, находящихся в ведении приказа Казанского дворца, постановили собрать 16 300 руб. Из них 10 тыс. руб. следовало взять с Казани и Свяжска, по 1 500 руб. – с Алатыря и Темникова, 1 тыс. руб. – с Шацка, по 700 руб. – с Самары и Курмыша, 500 руб. – с Уфы и 400 руб. – с Чебоксар. Галицкая четь должна была пополнить бюджет на 15 700 руб.: 7 500 руб. предстояло взыскать с жителей Галича, 3 тыс. руб. – с Юрьевца Повольского, 1 500 руб. – с Суздаля, по 1 тыс. руб. – с Белоозера, Коломны и Ростова; наименьшие сборы ложились на Кашин (500 руб.) и Каширу (200 руб.). Вдвое меньшую сумму – 8 тыс. руб. – предстояло изыскать в городах Владимирской четверти. 2 тыс. руб. должна была дать Калуга, по 1 500 руб. – Владимир и Тула, по 1 тыс. руб. – Переславль-Рязанский и Тверь, по 500 руб. – Гороховец и Зарайск. 10 тыс. руб. решили взять с московских гостей и торговых людей, 1 300 руб. – с подведомственных другим ведомствам городов Углича (500 руб.), Кинешмы (400 руб.), Касимова (300 руб.) и Городецка (100 руб.)³⁵.

При условии сбора всех намеченных денег в Москву могли доставить 173 530 руб. Запланированная сумма была примерно на 70 тыс. руб. выше, чем удалось выручить в «первую пятину» и на 120 тыс. руб. превосходила «вторую пятину»³⁶. Это не ликвидировало бы озвученной участникам собора нехватки денег в казне (которая, напомним, по подсчётам составителей «бюджетной росписи», составляла около 327 тыс. руб.), но существенно (приблизительно вдвое) её сокращало.

По городам немедленно разослали грамоты с изложением решения Земского собора. В грамоте, написанной 18 марта 1616 г. и отправленной тремя днями позже в Тотьму, в частности, сообщалось, что «дворяне и дети боярские, и стрелцы, и казаки, и всякие ратные люди без нашего жалованья служить не хотят, и многие города мечют, и из наши казны пожаловать ратных людей, которых посылают на наши службы против полских и литовских людей, нечем». В связи с этим решили «денег собрати с Москвы и со всех городов всех наших великих Росийских государств... никого не обходя безо всякого вывету... пятая денга, ...не так, как в прошлых годах многие животы свои таили, збирати перед прошлыми годы с прибылью... А что с которого города пятинные денги з животов взяти, и то объявити в наших грамотах имянно». В соответствии с этим в грамоте предписывалось собрать с жителей Тотьмы и Кузьмы Строганова 1 тыс. руб. и прислать их в Москву в третье воскресенье после Пасхи, т.е.

³⁵ Воскобойникова Н.П. Указ. соч. С. 159–161.

³⁶ Лихачёв Н.П. Указ. соч. С. 78.

14 апреля 1616 г. Необходимо заметить, что успеть собрать указанную сумму и доставить её в столицу к назначенной дате было вряд ли возможно: на всё отводилось 24 дня, из которых одна лишь доставка грамоты в Тотьму и транспортировка казны в Москву заняли бы не менее двух недель. Назначение столь короткого срока для сбора весьма значимой суммы свидетельствует о том, насколько остро к весне 1616 г. правительство нуждалось в деньгах. Ещё раньше, 7 апреля, ожидалась присылка денег из Зарайска и Переславля Рязанского, а самый поздний срок доставки собранных средств (19 мая) обозначили для городов Казанского царства, Поморья, Вятки и Пермской земли³⁷.

К сожалению, мы не знаем, как проходила выработка соборного постановления. Была ли сумма сбора «третьей пятины» изначально определена правительством, не рассчитывавшим собрать с населения вдвое большую сумму? Или составлявшая примерно половину от обозначенного правительством бюджетного дефицита сумма 173.5 тыс. руб. была результатом компромисса между заявленными властью потребностями и озвученными участниками собора возможностями податного населения? Не исключено, что имел место именно второй вариант. И, думается, не случайно сбор «третьей пятины» поручили не Посольскому приказу, как ранее, а специально созданному приказу Сбора пятинных и запросных денег. Наиболее раннее известное нам упоминание об этом приказе относится к 31 мая 1616 г., а его руководителем, что особенно важно, был популярный в народе боярин кн. Д.М. Пожарский, находившийся в то время, по некоторым данным, в состоянии конфронтации с ближайшим окружением царя Михаила Фёдоровича³⁸. Не исключено, что, давая согласие на уплату новой и весьма тяжёлой подати, участники собора добились в качестве гарантии её целевого использования назначения руководителем сбора «пятинны» князя Пожарского, чья честность и авторитет в обществе не вызывали сомнений.

Мы, к сожалению, не имеем возможности оценить финансовые результаты сбора третьей пятины. Земский собор санкционировал дополнительные сборы в размере 173.5 тыс. руб., исходя, надо полагать, из имевшихся у выборных людей представлений о финансовых возможностях своих земляков. По подсчётам Н.П. Воскобойниковой, деньги в течение 1616 г. прислали лишь из 15 городов (примерно четвертая часть упомянутых в соборной росписи), но и из них поступило лишь около 85% назначенных сумм³⁹. В таком случае московское правительство вряд ли смогло получить более 40 тыс. руб., а сбор третьей пятины следует признать провалившимся. Однако вряд ли ситуация была настолько плачевной. В 1617 г., назначив сбор четвертой пятины, московское правительство рассчитывало пополнить казну около 52 тыс. руб., причём официально заявило, что в этот раз сбор осуществляется «перед прежними годами и перед прошлым 124 годом гораздо с убавкой».

По мнению С.Б. Веселовского, сбор третьей пятины (размер которой он определил как 175–200 тыс. руб.) завершили уже к концу 1616 – началу 1617 г.⁴⁰ Впрочем, наиболее интересны в контексте нашего исследования не

³⁷ Указные грамоты... С. 168–170; Воскобойникова Н.П. Указ. соч. С. 158.

³⁸ Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII в.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 166–167; Эскин Ю.М. Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2013. С. 128–129.

³⁹ Воскобойникова Н.П. Указ. соч. С. 159.

⁴⁰ Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 64, 77, 78.

столько результаты её сбора, сколько методы, какими правительство добивалось новых денежных пожертвований от податного населения. Мы видели, что правительство намеренно «сгущало краски», преувеличивая критичность состояния государственного бюджета. Однако и участники Земского собора 1616 г., по-видимому, отказались быть безгласными статистами в организованном властью политическом спектакле, главной целью которого было усиление налогового бремени. Выборные люди приблизительно вдвое сократили объём третьей пятины по сравнению с заявленным правительством бюджетным дефицитом, добившись притом полного вывода сбора пятинных денег из-под контроля местных воевод и передачи его под руководство пользовавшегося доверием населения кн. Д.М. Пожарского.

Позиция, продемонстрированная выборными людьми в ходе Земского собора в феврале–марте 1616 г., заставила правительство искать иные каналы пополнения государственного бюджета, помимо сборов экстраординарных налогов. Одной из таких попыток стало объединение руководства четвертными приказами в руках одного лица – боярина кн. Г.П. Ромодановского. В августе 1616 г. мы впервые видим его во главе Галицкой четверти, в сентябре того же года – Владимирской, с октября – Новгородской, с января 1617 г. – Костромской. В итоге под руководством Ромодановского оказались четыре четвертных приказа из пяти (Устюжская четверть осталась в подчинении другого члена Боярской думы – думного дьяка П.А. Третьякова), что должно было централизовать их деятельность (впрочем, полного слияния не происходило – каждая четвь имела собственных дьяков и отдельный штат подьячих). Впрочем, эксперимент по объединению четвертей по прошествии примерно полутора лет свернули – в январе–апреле 1618 г. каждый из этих приказов вновь перевели под управление разных судей⁴¹.

Другое административно-финансовое нововведение московского правительства, вызванное к жизни критическим состоянием государственной казны, состояло в учреждении нового ведомства, имевшего, подобно четвертям, преимущественно фискальные функции – Кабацкого приказа (иначе именовавшегося Новой четью). Ранее считалось, что его учреждение состоялось летом 1619 г., однако недавно выявленные источники позволяют отодвинуть это событие на три года назад, в 1616 г.⁴² Данный шаг, вероятно, был продиктован стремлением правительства обеспечить доставку в столицу кабацких доходов, львиная доля которых расходовалась непосредственно в городах.

Таким образом, в условиях тяжёлого финансового кризиса начала XVII в., порождённого многолетней гражданской войной и противоборством с сопредельными державами, государственный бюджет Московского царства сократился приблизительно вдвое по сравнению с предшествующим периодом. То, что в казне царя Михаила Фёдоровича на исходе Смутного времени удавалось, по моей оценке, собирать (и тут же расходовать на наиболее насущные нужды) до полумиллиона рублей в год, было результатом сложного взаимодействия правительственных органов и податного населения. Правительство традиционно желало собрать с подданных как можно больше денег; население столь же традиционно стремилось избавиться от чрезмерно тяжёлого тягла. И лишь заинтересованность народа в преодолении затянувшейся Смуты, нашедшая

⁴¹ Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Указ. соч. С. 228, 230, 232, 234.

⁴² Лисейцев Д.В. О времени учреждения Кабацкого приказа // Историческая наука и российское образование (актуальные проблемы). Сборник статей. Ч. 1. М., 2008. С. 305–313.

практическое выражение в готовности идти на новые финансовые жертвы, сделали компромисс между этими разнонаправленными интересами возможным.

Временное правительство в политической системе России 1917 г.

Кирилл Соловьёв

The Provisional government in Russia's political system in 1917
Kirill Soloviev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

После Февраля 1917 г. традиционные властные институты ушли в прошлое, а новые ещё не сложились. Представления же о власти, бытовавшие в различных кругах общества, сильно расходились с формировавшейся реальностью, которая сама по себе была весьма многогранной. В итоге политическая система распадалась на части, а государственная власть утрачивала монополию на насилие¹. В провинции на авансцену выходила неapolитическая власть, которая даже не задумывалась о собственной легитимности и устанавливала своё господство явочным порядком². Революция стала временем «распыления» власти, которая потом была собрана воедино, но уже по-новому.

Всё это затрудняет характеристику Временного правительства. Оно создавалось как орган высшей государственной власти, но, в сущности, с этой ролью не вполне справлялось. В условиях распада единой ткани политической системы правительство должно было постоянно и быстро эволюционировать, принаравливаясь к совместной работе с новыми политическими игроками и властными институтами. Такая ситуация не описывается традиционным языком права. В результате возник популярный в историографии (как, впрочем, и в публицистике 1917 г.) термин «двоевластие», позволивший приспособить реалии того времени к традиционным представлениям о власти, которая будто бы не качественно изменилась в условиях революции, а просто «раздвоилась». В этой связи в центре внимания чаще всего оказывалось взаимодействие Временного правительства и Петросовета³.

Само слово «правительство» порой настраивает историков на его изучение как «регулярного» учреждения, подобного Совету министров дореволюционной России. В рамках такого подхода может показаться, что Временное правительство, несмотря на постоянно менявшийся состав и саму архитектуру

© 2016 г. К.А. Соловьёв

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-12025.

¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 645.

² Герасименко Г.А. Народ и власть (1917 год). М., 1995. С. 89–108; Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 308–315.

³ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 388–403. Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 249–251; См. также: он же. Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте–апреле 1917 г. М., 1978; Критический словарь Русской революции: 1914–1921. СПб., 2014. С. 298–304.